

14. 中华人民共和国婚姻法(1980年)。(Закон КНР о браке) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=44312 (дата обращения: 06.08.2018).
15. 蛙 /莫言著.上海文艺出版. 2012.6 - 625页。(Мо Янь. Лягушка). – Шанхай: Искусство, 2012. – 625 с.

References

1. *Kitay. Vzaimootnosheniya (topik) [China. Mutual relations (topic)]*. (In Russ.) Available at: <http://polusharie.com/index.php?board=95.0> (accessed 06.08.2018).
2. Kryukov M.V., Malyavin V.V., Sofronov M.V. *Etnicheskaya istoriya kitaytsev na rubezhe Sredneveko'vya i Novogo vremeni [Ethnic history of the Chinese at the turn of the Middle Ages]*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 312 p. (In Russ.).
3. Malyavin V.V. *Kitaiskaya tsivilizatsiya [The Chinese civilization]*. Moscow. AST Publ., 2000. 512 p. (In Russ.).
4. *Pogovorim o Kitae i kitaytsakh (topic)*. (In Russ.). Available at: <http://polusharie.com/index.php?topic=115449.msg734764#msg734764> (accessed 06.08.2018).
5. *Pomoshch' sootchestvennikam (topic) [Assistance to compatriots (topic)]*. (In Russ.). Available at: <http://polusharie.com/index.php?topic=178876.0> (accessed 06.08.2018).
6. Sidikhmenov V.Ya. *Kitay: stranitsy proshlogo [China: pages of the past]*. Moscow, Rusich Publ., 2010. 215 p. (In Russ.).
7. Chhzhao Yuun. *Kto boitsya bol'shogo zlogo drakona? Pochemu v Kitae luchshaya (i khudshaya) sistema obrazovaniya v mire [Who is afraid of the great evil dragon? Why in China is the best (and worst) education system in the world]*. Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2017. 302 p. (In Russ.).
8. Attane I. *Being a Woman in China Today: A Demography of Gender*. (In Engl.) Available at: <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/6013?file=1> (accessed 06.08.2018).
9. *Haerbin hospital incident*. (In Engl.). Available at: https://www.bbc.com/zhongwen/simp/chinese_news/2012/07/120707_china_xi.shtml?c (accessed 06.12.2010).
10. *Shaanxi graduate told she is too short to be a teacher*. (In Engl.). Available at: <http://ThatsShanghai.com> (accessed 06.08.2018).
11. 中国未来将会怎么样全球时报. 第4431期, 2018年三月九日. *Stat'ya «Kakoe budushchee u Kitaya», ezhdnevnyaya gazeta «Tsyuan tsyushibao» [The article "What is the future of China", the daily newspaper "Quancyushibao"]*, 2018, iss. 4431. (In Chinese).
12. 孩奴/林铃著.上海文艺出版社. 2010.5- 356 页. *Lin' Lin. Raba rebenka [Child slave]*. Shankhay, Iskustvo Publ., 2010. 256 p. (In Chinese).
13. 中华人民共和国母婴保健法. *Zakon KNR o pravakh materi i rebenka [Law of the PRC on the rights of mother and child]*. (In Chinese). Available at: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2017-11/28/content_2032724.htm.
14. 中华人民共和国婚姻法(1980年). *Zakon KNR o brake [Law of the PRC on marriage]*. (In Chinese). Available at: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=44312.
15. 蛙 /莫言著.上海文艺出版. 2012.6 – 625页. Mo Yan'. *Lyagushka [The Frog]*. Shankhay, Iskustvo Publ., 2012. 625 p. (In Chinese).

УДК 394

О СПЕЦИФИКЕ ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЯХ ЭТНИЧЕСКИХ КИТАЙЦЕВ В КНР, НА ТАЙВАНЕ И В США

Ишутина Юлия Александровна, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой Китаеведения Восточного Института, Школа Региональных и Международных Исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, РФ). E-mail: ishutina.yua@dvfu.ru

В статье рассматривается вопрос о специфике семейного воспитания в КНР, на Тайване и в США. Феномен «модальной личности» представляет собой усредненный тип, характерный для наибольшего числа взрослых членов общества, принимаемый им за норму. В зависимости от типа культуры может возникать явление субъективной ориентированности: в коллективных культурах одобрение получает

поведение в заданных рамках, в индивидуальных – стремление к проявлению оригинальности. Китайские родители вне зависимости от страны проживания, будь то континентальные китайцы, островные китайцы или эмигранты хуацяо, придерживаются конфуцианской модели поведения в воспитании детей, что свидетельствует о том, что они определяют свою этническую идентичность как китайскую. В то же время выбор национальной идентичности находится в области конструируемого воображаемого сообщества, он обусловлен социальной средой и политической системой страны, в которой они проживают. В случае с китайской культурой, являющейся базовой как для жителей континентального Китая, так и для островного Тайваня, нормой является следование конфуцианским уложениям, актуализированным к современным условиям. Тем не менее, система воспитания в тайваньском обществе обнаруживает новые тенденции к проявлению себя как части мультикультурного пространства, и, вместе с тем, демонстрацию собственной оригинальности в рамках локализации глобальной культуры. Приверженность конфуцианской модели воспитания может быть объяснена тем, что она позволяет воспитывать ребенка не только в строгости, но и требовать от него полного подчинения (морального и физического). Кроме того, эта модель не подразумевает возможность обсуждения прав ребенка как личности, подавляет конфликт интересов в корне и ориентирует на достижение цели, которая видится общим благом для всех участников воспитательного процесса. Кроме того, привлекательность конфуцианской модели заключается в том, что с течением времени выросший ребенок оказывается старшим по отношению к младшему поколению и приобретает права старшего, регламентирующего отношения. Конечная цель конфуцианского воспитания – достижение сугубо прагматической выгоды: получение образования, упрочнение материальной базы и стабильного процветания семьи.

Ключевые слова: этнофор, национальная идентичность, воспитание, островная идентичность, Тайвань.

THE SPECIFICITY OF ETHNIC CHINESE FAMILY EDUCATION IN THE PRC, TAIWAN AND THE USA

Ishutina Yuliya Aleksandrovna, PhD in Culturology, Associate Professor, Chinese Department Chair of the Oriental Institute, School of Regional and International Researches, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation) E-mail: ishutina.yua@dvfu.ru

The article deals with the specificity of family education in China, Taiwan and the United States. The phenomenon of the “modal personality” is an average type characteristic of the largest number of adult members of society, which accepts it as the norm. Chinese parents, regardless of their country of residence, whether they are mainland Chinese, island Chinese or emigrants, are able to adhere to the Confucian model of behavior in upbringing the children, which indicates that they define their ethnic identity as Chinese. At the same time, the choice of a national identity is in the field of a constructed imaginary community and is conditioned by the social environment and political system of the country in which they live. In the case of the Chinese culture, which is basic for both, the inhabitants of mainland China and island Taiwan, the norm is to follow the Confucian regulations, updated to modern conditions. However, the system of education in Taiwanese society reveals new tendencies to manifest itself as a part of a multicultural space, and, at the same time, to demonstrate its own originality within localization of the global culture. In addition, it does not imply the possibility of discussing the rights of the child as a person, suppressing the conflict of interests at the root and orienting towards the achievement of a goal that is seen as a common good for all participants in the educational process. In addition, the attractiveness of the Confucian model lies in the fact that over time the grown-up child turns out to be older with respect to the younger generation, and acquires the rights of the senior regulating relationship. The ultimate goal of Confucian education is to achieve a purely pragmatic benefit: education, strengthening the material base and family prosperity.

Keywords: ethnofor, national identity, education, island identity, Taiwan.

Сравнительные исследования зарубежных специалистов в области этнопсихологии, позволили обнаружить феномен «модальной личности», функционирующий в различных культурах. Под ним подразумевают определенный личностный тип, характерный для наибольшего числа взрослых членов общества, рассматриваемый исследователями как обобщенный этнофор [9, с. 212]. Изучение личности в китайской культуре интересно с точки зрения следования принятой модели поведения в условиях социального окружения, так как оно определяет рамки нормы, способствует возникновению активного мышления и восприятия действительности, а также помогает индивидууму определить свое место в социуме. Актуальность исследования обусловлена тем, что процессы глобализации на современном этапе оказывают заметное влияние на трансформацию и репрезентацию этнического и национального самосознания, в данном контексте рассматриваемого как условный набор взаимозависимых переменных, которые могут быть «переупакованы» в целях конструирования национальной идентичности. Важными рычагами конструирования идентичностей по-прежнему являются учебники, карты, СМИ, система образования и воспитания и т. п. Особыми приметами времени становятся ускорение процессов этнического и национального самоопределения, а также факт деятельного участия в этом процессе семьи как социальной ячейки. В этом случае формирование модальной личности происходит посредством непрерывного воспитательного процесса, воспринимаемого ребенком естественно и с большой степенью доверия.

Вопрос специфики этнопсихологии китайцев детально изучался с конца XIX века; исследования носили описательный характер и были представлены в виде очерков русских и зарубежных миссионеров и участников научных экспедиций [3; 5; 6]. основополагающие научные труды по проблеме этногенеза принадлежат целой плеяде советских исследователей, таких как В. М. Алексеев, М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров, В. В. Малявин, К. М. Тертицкий, Н. А. Спешнев, В. Г. Буров, В. Я. Сидихменов, В. В. Собольников [1; 4; 7; 8; 10; 11; 12; 13].

Исследования указанных авторов охватывают различные хронологические рамки становления этнического самосознания китайцев, начиная

с проблем этногенеза древних китайцев и до создания Нового Китая; некоторые из работ помогают решить проблемы методологии, в частности, возможности применения различных трактовок понятия «менталитет», «религия», «этнопсихологический феномен» и т. п. относительно особенностей национального характера китайцев. Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях акцент делается на существование целого ряда факторов, способных влиять на сознание имплицитно, но ощутимо (страх, неудачи, отчуждение, борьба за статус и т. п.). Решающее значение в самоопределении индивидуума имеют базовые факторы (образование, профессия, социальная мобильность, местожительство).

Наше исследование посвящено вопросу влияния семейного воспитания на процессы конструирования этнического и национального самосознания в эпоху осуществленной модернизации обеих частей китайского общества (КНР и КР). Гипотеза исследования заключается в том, что так называемая «модальная личность» в китайском и тайваньском обществе обладает схожими конфуцианскими характеристиками, одинаково воспринимаемыми положительно на уровне этнической принадлежности во всем Большом Китае. Специфика «модальной личности» в континентальном и островном Китае проявляется тогда, когда возникает необходимость определения национальной идентичности.

Воспитание человека всегда ориентировано на заданную модель поведения, принятую в обществе. Исследователи отмечают необходимость отличать это явление от реального поведения человека в повседневной жизни. Под моделью поведения подразумевается общепризнанный стандарт, сложившийся исторически, заключающийся в себе оценочный смысл. В зависимости от типа культуры может возникать явление субъективной ориентированности на норму: в коллективных культурах одобрение получает поведение в заданных рамках, в индивидуальных – стремление к альтернативному, возможность проявления оригинальности. В случае с китайской культурой, базовой как для жителей континентального Китая, так и для островного Тайваня, нормой является следование конфуцианским уложениям, актуализированным к современным условиям. Тем не менее система воспитания в тайваньском обществе обнаруживает новые тенденции к проявлению

себя как части мультикультурного пространства и, вместе с тем, демонстрированию собственной оригинальности в рамках локализации глобальной культуры.

Вопрос о принципах конфуцианского воспитания достаточно хорошо освещен в научной литературе с разных точек зрения, в том числе и в свете популяризации конфуцианской личности в странах, территориально примыкающих к китайской ойкумене и воспринявших конфуцианство как основу государственного уложения. Небезынтересно проследить воспитательный опыт китайских родителей из континентального Китая, Тайваня и США, имеющих одинаковые ценностные установки, вследствие принадлежности к китайской культуре, но проживающих в странах с разным социально-политическим строем.

В КНР в последнее время стали появляться серии книг, содержащих советы клинических психологов, работающих с детьми дошкольного и школьного возраста. Полученное профессиональное образование позволяет авторам применять на практике принципы западных методик, к примеру, систему Монтессори с классическим китайским подходом заучивания наизусть материала из китайской литературы, математики и смежных областей знаний. Книги о воспитании содержат отсылки к прецедентным именам и событиям китайской истории, в которой всегда найдется достойный пример для подражания. Кроме того, в них много говорится о традиционных китайских ценностях (подчинение старшему, долг, справедливость, любовь к родине и т. п.); все это позволяет задать правильный вектор развития ребенка в современных условиях жесточайшей конкуренции, начиная с дошкольного возраста. Как известно, в китайских детских садах ребенок активно включен в образовательную деятельность: уроки родного языка, математики, музыки и английского вместо игр и прогулок на свежем воздухе, начиная с младшей группы (4 года) и вплоть до подготовительного класса (6,5 лет).

Книги рекомендаций по воспитанию содержат советы относиться к ребенку как к личности (что для классического китайского образования неприемлемо), увещевают родителя «быть требовательным, но либеральным», «подавлять в себе раздражение из-за успехов ребенка в учебе», «соблюдать осторожность в высказывании неодобрения», «ставить незначительные проблемы ре-

бенка выше своих интересов» [18]. Тем не менее они транслируют ориентацию на конфуцианскую модель поведения, указывают, как научить ребенка следовать поведенческим клише, больше известным как «36 китайских стратагем» [14]. Изначально стратагемы применялись в военном искусстве, но затем получили широкое распространение, так как, по сути, они представляют собой план правильного действия в 36 жизненных ситуациях.

Популярность педагогической литературы, сочетающей китайский и западный подход, довольно высока, очевидно, вследствие переосмысления результатов тревожной статистики количества попыток суицида китайских подростков из-за низкой успеваемости в школе или неуспеха на экзаменах. В семьях распространены методы традиционного обучения, при которых многое достигается путем нравственного воздействия. Мировую известность получила этническая китайка Эми Чуа (США), дочери которой воспитывались в крайней строгости, высоком ритме и верности целям, которые преследовала пресловутая «мать-тигрица». В КНР у всех на устах пример бизнесмена Сяо Байю, написавшего книгу с говорящим названием «Папа-волк». Его трое детей поступили в Пекинский университет благодаря тому, что учились в рамках традиционного образования и не участвовали в деятельности, выходящей за рамки школьной программы [15, с. 278].

Итак, оба упомянутых примера видятся успешными с точки зрения достижения поставленной цели, так как дети преодолели высокий порог ожиданий родителей, смогли получить шанс обучения в престижных вузах, удовлетворили родительские амбиции в различных областях знаний и заняли первые места в мировых музыкальных конкурсах. И госпожа Чуа, и господин Сяо призывают своих последователей соблюдать определенные принципы китайского воспитания (приводятся с моими комментариями относительно западного подхода. – Ю. И.):

1) китайскому отцу и матери необходимо быть «строгими до деспотизма», в то время как западные родители «требовательны, но считают, что учеба может быть веселой»;

2) ребенок должен воспитываться только в ортодоксальной семье, полной или неполной, по обстоятельствам, но никак не в семье гомосексуалистов;

3) ученик непременно должен получить множество различных навыков, которые помогут ему преодолеть экзаменационные пороги;

4) дети воспитываются в строгости относительно вопросов пола и семьи, а не получают свободу в проявлении сексуальности;

5) китайской семье надо прививать детям чрезмерную бережливость, тогда как западные родители позволяют своим отпрыскам быть расточительными;

6) родителю, который желает своему ребенку успеха, приходится быть прямым в оценке и не стесняться в выражении неодобрения;

7) учебный процесс подразумевает усердие, а не игру;

8) дети обязаны хорошо учиться ради спокойствия родителей, им не разрешено обсуждать свои права;

9) детям необходимо сдерживать себя и беречь физическое тело, оно принадлежит клану, в то время как зарубежным сверстникам разрешается рисковать;

10) процесс воспитания не обсуждаем с детьми, он осуществляется внутри семьи, школа лишь принимает участие, но не считается ведущей в процессе воспитания;

11) родители должны муштровывать, а не поощрять своих взрослых детей;

12) физический недостаток следует воспринимать как следствие неправильных кармических поступков, горе и презрение – вот истинные чувства, которые надлежит испытывать к немощным и калекам [17].

Интересно, что приведенные выше правила сформулированы Эми Чуа и Сяо Байю, социальное окружение которых совершенно различно, в виду того, что Э. Чуа выросла в семье китайских эмигрантов в США, а Сяо Байю проживает в континентальном Китае. Они оба придерживаются традиционных принципов китайского воспитания, которое нацелено на результат, возможно? в ущерб близким отношениям с ребенком. Таким образом, мы можем наблюдать устойчивое сохранение матрицы конфуцианского воспитания, трактующего жесткое подчинение воле старшего, стремление к неустанному труду и послушанию.

В случае с Э. Чуа мы можем предположить, что ощущение этнической идентичности формируется у ее детей, отец которых – американец, по пути отрицания иной этнической идентичности,

но вполне в рамках принятия национальной (американской) идентичности. В случае с этнической идентичностью госпожа Чуа подчеркивает положительный опыт воспитания, накопленный китайской культурой тысячелетиями, но преследует цели, которые помогут детям обрести достойное место в американской действительности.

Сяо Байю выстраивает свою линию в жесткой парадигме получения выгоды в конкурентной борьбе, в которую включены все китайские молодые люди в силу того, что КНР – самая густонаселенная страна в мире. Он репрезентирует свои методы воспитания в строгих рамках конфуцианских идей, следуя принятой модели поведения континентального китайца. Господин Сяо демонстрирует полную приверженность китайским национальным идеям, ориентируя своих детей на жизнь в китайской действительности, несмотря на то, что финансовые возможности обучать своих отпрысков за рубежом у него есть.

Интересный подход проявляют тайваньские родители, которые применяют базовые китайские навыки педагогики наряду с элементами, присущими японскому воспитанию:

1. Обучение может быть игровым, при этом мать должна подавать пример, переживая совместный опыт с ребенком. К слову, состоятельные семьи из континентального Китая стремятся перепоручить совместный опыт новейшей разработке домашнему роботу 小胖子 (Xiǎo Pàngzi). Он запрограммирован на распознавание речи и является настоящей энциклопедией китайской классики и всего того, что требует школьная программа.

2. Тайваньская китаянка постарается сократить время вседозволенности поступкам ребенка (который японцы определяют как возраст до 5 лет) из-за боязни потери лица и страха того, что ее ребенок может оказаться вне социальной группы.

3. Тайваньский ребенок, равно как и китайский, и японский, должен использовать конфуцианские обращения, которые определяют старшего в отношениях, например: «старший брат» – ани (哥哥), «младший брат» – отоото (弟弟), «старшая сестра» – анэ (姐姐), «младшая сестра» – имоото (妹妹). Такие лингвистические нюансы помогают внушить благодарность к взрослым и родителям, которые представляют собой эталон поведения.

4. И континентальные китайцы, и тайваньские родители позволяют себе проявление неж-

ных чувств на уровне оценки ребенка как «драгоценности» 宝宝 (bǎobǎo), но тайваньские дети склонны выражать чувства к маме на уровне «обожания» амае (от англ. admire).

5. Вследствие немногочисленности населения Тайваня (около 3 млн человек), жители этого региона Китая не ставят перед собой задачу воспитать вундеркинда, который превзойдет остальных, но стремятся дать образование как необходимый старт в жизни.

6. По причине отсутствия жесткой конкуренции на Тайване не принято сравнивать детей, предпочтительнее оценка типа «победила дружба», «не стоит выделяться», «не надо противопоставлять себя коллективу».

7. В отличие от японцев, которые не поощряют детей за успехи сладостями, тайваньцы, как и континентальные китайцы, предпочитают угостить ребенка или организовать выход в ресторан.

8. Правильная реакция тайваньского ребенка на чужую беду формируется обществом как привычка провести анализ ситуации и помочь. Континентальный китаец предпочитает не вмешиваться, так как часты случаи вымогательств денежных сумм родственниками пострадавшего, считающими, что тот, кто оказывает помощь, повинен в происшествии.

9. Особое внимание следует уделить отношению тайваньских детей к домашним животным, за которым предстоит ухаживать, в том числе и на улице, дабы не причинять неудобства соседям. В континентальном Китае такая привычка не формируется намеренно, так как считается, что если есть человек, которому платят за уборку, то он должен отработать свою зарплату.

10. Трепетное отношение к деньгам воспитывается в обеих частях Китая: ребенку дарят суммы на китайский Новый год и в день рождения в красных конвертах с надписью 压岁钱 (yāsuìqián), из названия следует, что «деньги растут вместе с ребенком».

11. Во всех регионах Китая одинаково воспитывают бережливость в духе китайской поговорки «钱是挣出来的,也是省出来的» (qián shì zhēngchūláide, yě shì shěngchūláide) – букв. «деньги не только зарабатываются, но и сберегаются».

На первый взгляд, тайваньские китайцы менее строги в воспитании, однако они четко следуют конфуцианской матрице, умело адаптируясь к современным условиям и реалиям тайванского

общества, которое успешно осуществило модернизацию при скудных природных запасах, внешнеполитической напряженности и сложных процессах внутренней политики. Главным своим богатством тайваньцы считают людские ресурсы, но акцент ставится не на дешевизну рабочей силы, а на особый островной менталитет, сочетающий в себе китайское трудолюбие, авантюризм в хорошем смысле слова (предки большинства тайваньцев перебрались в различное время с материка, преодолев различные трудности), а также приобретенное терпение. В этом заключается специфика островной идентичности [16].

Профессор Чжао Юн, долгое время работавший учителем в Китае и добившийся заметного успеха в научно-исследовательской деятельности в свою бытность в США, называет систему образования КНР «одной из лучших (и худших) в мире» [15]. Он справедливо указывает на существование ощутимой разницы между глубиной знаний китайского школьника в области родного языка классической литературы, естественных наук, английского языка и ограниченности в познании фактов окружающей действительности, сведения о которых не входят в школьную программу. Чжао Юн считает, что китайская система воспитания и образования во многом напоминает имперскую систему экзаменов 科局 (kējú), ориентированную на определенный свод знаний китайской истории и литературы, и указывает на очевидное фокусирование на этих областях науки. Вместе с тем китайская система воспитания все же включает иностранные методики, близкие китайскому воспитанию. Так, успех системы Монтессори в китайских детских садах напрямую связан с подходом запоминания наизусть, а не анализа информации. Китайский классический подход в обучении, ориентированный на заучивание, чтение, воспроизведение информации устно или письменно создает прочную основу для абсолютного успеха китайских школьников, которые занимают лидирующие позиции по версии международной аттестации PISA по математике, литературе и естественным наукам [15, с. 111].

Методика заучивания позволяет китайскому школьнику тренировать память настолько хорошо, что студенты младших курсов языковых вузов легко осваивают лексический запас и качественно выполняют задание на пересказ незнакомого текста на иностранном языке, в то же время как

лексико-грамматические задания могут вызывать многократные сложности. Приобретение экстралингвистических знаний, связанных с культурой изучаемой страны, не считается континентальными китайцами обязательным элементом обучения, это можно объяснить не столько отсутствием любознательности, сколько низкой мотивацией к фактам, познание которых требует понимания вещей, располагающихся за пределами китайской ойкумены и от того менее ценных.

Тайваньская молодежь отличается от своих континентальных сверстников большим интересом к миру, вероятно, в силу особенностей географического и политического положения современного Тайваня. Будучи островным государством, Тайвань долгое время представлялся находящимся за пределами Среднего государства, на периферии, в то же время именно островное положение помогает современному тайваньцу сформировать ощущение сопричастности к другим островным цивилизациям: японской, филиппинской, малайской и т. п. Длительная изоляция от континентального Китая в период колониального управления японцами привела к тому, что система воспитания и образования была сформирована по японскому образцу, у китайских тайваньцев были японские имена, что свидетельствует об определенной степени восприимчивости, толерантности и формировании такой национальной черты, как терпение. Изначально это явление трактовалось этнологами как возникающее в ответ на противостояние стихии, первоначальной неустроенности, память о которой еще жива, затем стало толковаться как рефлексия на специфику внешнеполитического положения Тайваня, гармонично вписавшегося в образ «Азиатского сироты», осуществившего экономическое чудо благодаря удивительным качествам тайваньского народа.

Действительно, специфика Тайваня, складывающаяся из множества факторов, определяющих его современное положение, позволяет этой части китайского народа осуществлять альтернативный путь развития искусственно отделенной немногочисленной части китайской нации, вступившей в сложные интеграционные процессы с группами некитайского населения и испытывшими в различные исторические периоды влияние как западной, так и восточной цивилизации. Для успешного развития страны как равноправной участницы мирового сообщества требуется и воспитание личности, которая бы соответствовала осуществлению главной задачи тайваньского правительства – вхождения в мировое сообщество в качестве Китая альтернативного пути развития.

Таким образом, мы можем утверждать, что китайцам (континентальным, островным и эмигрантам хуацяо) присуще проявление национальных чувств и настроений, которые выражают эмоциональное отношение к собственно этнической реальности, базовым национальным ценностям и национальному достоянию. Воспитание, получаемое детьми в континентальном Китае и на Тайване в общих чертах схоже, и в то же время носит ярко выраженную специфику, обусловленную разницей альтернативного развития этих двух частей Китая: центростремительного в КНР и более ориентированного на глобальное сообщество на Тайване. Будучи одним из базовых факторов влияния на процессы самоопределения, наряду с образованием, профессиональной занятостью, местом жительства и социальной мобильностью, воспитание позволяет сформировать человеку понимание своей роли в обществе, осознание личных интересов и помыслов в общественной деятельности и закладывает основу осознания национальной идентичности.

Литература

1. Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: в 2 кн. – М., 2002. – Кн. 1.
2. Арешидзе Л. Г., Крупянко М. И., Крупянко И. М. Воспитание по-японски: 63 правила японских мам. – М.: Международные отношения, 2014. – 232 с. – (Удивительная Япония).
3. Баранов И. Г. Верования и обычаи китайцев. – М.: Муравей-Гайд, 1999. – 304 с.
4. Буров В. Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. – М.: ИФ РАН, 2000. – 208 с.
5. Коростовец И. Г. Китайцы и их цивилизация // Жизнь и нравы старого Китая. – Смоленск, 2003. – 282 с.
6. Корсаков В. В. Пять лет в Пекине. Из наблюдений над бытом и жизнью китайцев. – СПб.: Directmedia, 2013. – 186 с.
7. Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М., 1978. – 342 с.
8. Крюков М. В., Малавин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже Средневековья и Нового времени. – М., 1987. – 311 с.

9. Платонов Ю. П. Психология национального характера: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2007. – 240 с.
10. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. – М.: Русич, 2010. – 215 с.
11. Собольников В. В. Этнопсихологические особенности китайцев. – Новосибирск, 2001. – 517 с.
12. Спешнев Н. А. Дискуссия по этнопсихологии китайцев // Восток-Запад: ист.-культур. альм. – М., 2005–2006.
13. Тертицкий К. Китайцы: традиционные ценности в современном мире: в 2 т. – М., 1994. – 347 с.
14. Харро фон Зенгер. 36 китайских стратагем. – М.: Олимп-бизнес, 2010. – 224 с.
15. Чжао Юн. Кто боится большого злого дракона? Почему в Китае лучшая (и худшая) система образования в мире / пер. с англ. И. Полонской. – М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2017. – 302 с.
16. Чэнь Цзявэй. Политический стиль тайваньского президента Чэнь Шуйбяня: символика и действительность (2000–2008) // Клио. – 2013. – № 5 (77). – С. 115–119.
17. Чуа Эми. Боевой гимн матери-тигрицы / пер. с англ. Е. Щербаковой. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 288 с.
18. 魏书生著. 好父母好家庭: 魏书生谈家庭教育/魏书生著. – 桂林漓江出版社, 2017. 5 –246页. (Вэй Шушэн. Беседы о воспитании с Вэй Шушэном). – Гуйлинь: Лицзян, 2017. – 246 с.

References

1. Alekseyev V.M. *Trudy po kitayskoy literature: v 2 knigakh [Proceedings of the Chinese literature. In 2 books]*. Moscow, 2002. (In Russ.).
2. Areshidze L.G., Krupyanko M.I., Krupyanko I.M. *Vospitanie po-yaponski: 63 pravila yaponskikh mam. Seriya "Udivitel'naya Yaponiya" [Education in Japanese: 63 rules of Japanese moms. A series of "Amazing Japan"]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2014. 232 p. (In Russ.).
3. Baranov I.G. *Verovaniya i obychai kitaytsev [Beliefs and customs of the Chinese]*. Moscow, Muravey-Gayd Publ., 1999. 304 p. (In Russ.).
4. Burov V.G. *Kitay i kitaytsy glazami rossiyskogo uchenogo [China and the Chinese through the eyes of a Russian scientist]*. Moscow, IF RAN Publ., 2000. 208 p. (In Russ.).
5. Korostovets I.G. *Kitaytsy i ikh tsivilizatsiya [The Chinese and their civilization. Zhizn' i nravy starogo Kitaya [Life and customs of old China]*. Smolensk, 2003. 282 p. (In Russ.).
6. Korsakov V.V. *Pyat' let v Pekine. Iz nablyudeniy nad bytom i zhizn'yu kitaytsev [Five years in Beijing. From observations of life and life of the Chinese]*. St. Petersburg, Directmedia Publ., 2013. 186 p. (In Russ.).
7. Kryukov M.V., Sofronov M.V., Cheboksarov N.N. *Drevnie kitaytsy: problemy etnogeneza [Ancient Chinese: the problems of ethnogenesis]*. Moscow, 1978. 342 p. (In Russ.).
8. Kryukov M.V., Malayavin V.V., Sofronov M.V. *Eticheskaya istoriya kitaitsev na rubezhe Srednevekov'ya i Novogo vremeni [Ethnic history of the Chinese at the turn of the Middle Ages]*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 312 p. (In Russ.).
9. Platonov Yu.P. *Psikhologiya natsional'nogo kharaktera: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy [Psychology of national character: a textbook for students of higher educational establishments]*. Moscow, Akademiya Publ., 2007. 240 p. (In Russ.).
10. Sidikhmenov V.Ya. *Kitay: stranitsy proshlogo [Psychology of national character: a textbook for students of higher educational establishments]*. Moscow, Rusich Publ., 2010. 215 p. (In Russ.).
11. Sobolnikov V.V. *Etnopsikhologicheskie osobennosti kitaytsev [Ethnopsychological features of the Chinese]*. Novosibirsk, 2001. 517 p. (In Russ.).
12. Speshnev N.A. *Diskussiya po etnopsikhologii kitaytsev [Discussion on ethnopsychology of the Chinese]. Istoriko-kul'turnyy al'manakh Vostok-Zapad [Historical and cultural almanac East-West]*. Moscow, 2005–2006. (In Russ.).
13. Tertitskiy K. *Kitaytsy: traditsionnye tsennosti v sovremennom mire: v 2 t. [Chinese: traditional values in the modern world. In 2 vol.]*. Moscow, 1994. 347 p. (In Russ.).
14. Kharro fon Zenger. *36 kitayskikh stratagem [36 Chinese stratagems]*. Moscow, Olimp-biznes Publ., 2010. 224 p. (In Russ.).
15. Chzhao Yun. *Kto boitsya bol'shogo zlogo drakona? Pochemu v Kitae luchshaya (i khudshaya) sistema obrazovaniya v mire [Who is afraid of the great evil dragon? Why in China is the best (and worst) education system in the world]*. Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshhey shkoly ekonomiki Publ., 2017. 302 p. (In Russ.).
16. Chen' Tsyavey. *Politicheskiy stil' tayvan'skogo prezidenta Chen' Shuybyanya: simbolika i deystvitel'nost' (2000–2008) [Political style of Taiwanese President Chen Shui-bian: symbolism and reality (2000–2008)]*. *Klio [Cleo]*, 2013, no. 5 (77), pp. 115–119. (In Russ.).
17. Chua Emi. *Boevoy gimn materi-tigrity [Battle hymn of the mother-tigress]*. Moscow, AST: CORPUS Publ., 2013. 288 p. (In Russ.).
18. 魏书生著. 好父母好家庭: 魏书生谈家庭教育/魏书生著. – 桂林漓江出版社, 2017. 5 –246页. Vey Shushen. *Besedy o vospitanii s Vey Shushenom [Conversations about education with Wei Shushen]*. Guylin, Litszyan Publ., 2017. 246 p. (In Chinese).